

ОТЗЫВ

председателя диссертационного совета о диссертации Чу Цзинжу на тему «ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ В РУССКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ НА ФОНЕ КИТАЙСКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ»,

представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Работа Чу Цзинжу выполнена в русле исследований синтаксической экспрессии в языке СМИ, и ее спецификой является интерес к публицистическим текстам (шире – к политическому дискурсу) и рассмотрение «эмоционально-экспрессивных синтаксических ресурсов», или «конструкций экспрессивного синтаксиса» (КЭС), сразу в двух неблизкородственных языках: русском и китайском. Цель работы, в соответствии с этой спецификой, сформулирована таким образом: «выявление особенностей использования синтаксических экспрессивных ресурсов в параллельных публицистических текстах на русском и китайском языках» (с. 5). Сразу скажу, что на деле цель работы Чу Цзинжу оказалась несколько шире, о чем свидетельствует наличие третьей главы, посвященной «пунктуационным средствам выражения эмоциональности и экспрессивности» (с. 114), а также формулировка в Заключение о том, что в работе был «проведен сопоставительный анализ синтаксиса и пунктуации 5 860 современных параллельных текстов СМИ на русском и китайском языках» (с. 140). Либо для Чу Цзинжу синтаксис и пунктуация составляют один и тот же объект исследования (что вряд ли), либо стоило изначально расширить формулировку цели работы. Можно считать, что это – мое первое замечание к диссертанту и диссертации.

Конкретным материалом для анализа стали печатные и электронные версии двух журналов («Россия и Китай» и «Новый Шелковый путь») и двух интернет-ресурсов («ИноСМИ.ru» и «Это Китай, детка!») – примерно за 10 последних лет. Важно, что все публикации в данных источниках представлены параллельно на русском и китайском языках, что и позволило проводить на этом материале сопоставительное исследование. Объем проанализированного материала достаточно репрезентативен. Подчеркну еще только заслуживающую уважения педантичность автора в подборе этого материала: ровно по 729 текстов из журналов и ровно по 2201 тексту из интернет-источников. Не совпало только количество контекстов, включающих КЭС: на русском языке их примерно на тысячу (точнее – на 898) больше. В связи с этим и мой первый небольшой вопрос: значима ли такая разница? Свидетельствует ли она, по мнению Чу Цзинжу, о своеобразии русского языка на фоне китайского – или это чистая случайность? Судя по выдвинутой чуть ниже гипотезе (с. 6-7), разница эта значима и китайские журналисты действительно эмоционально несколько более сдержанны, чем русские, но все же хотелось бы услышать от автора четкий ответ на этот вопрос.

На собранном материале Чу Цзинжу попыталась в своей работе решить ряд проблем, которые впервые ставятся в лингвистических исследованиях, что обеспечило ее работе и необходимый уровень *актуальности* и *научной новизны*, и *теоретическую* и *практическую значимость*, о чем достаточно обоснованно говорится во введении к диссертации. Подчеркну еще, что решаются эти проблемы с опорой на анализ не только российской, но и китайской научной литературы, причем как на русском, так и на китайском языке. Последнее обстоятельство говорит не только о солидной теоретической базе проведенного исследования, что хорошо уже само по себе, но и о том отрадном факте, что китайская русистика буквально на глазах выходит за рамки Китая, соответствующие работы вводятся в научный оборот и становятся доступными исследователям во всем мире. Думаю, что и работа Чу Цзинжу займет в ряду этих исследований свое достойное место.

Среди рассмотренных в диссертации Чу Цзинжу теоретических вопросов – такие важные и интересные, как понятие дискурса и соотношение дискурса и текста, специфика

политического дискурса и особенности, в том числе жанровые, русской и китайской публицистики (последней в исследовании уделено особенно много внимания, что хочется подчеркнуть как несомненное достоинство рецензируемой работы), специфика электронной публицистики, что тоже достаточно ново в нашей лингвистике, гипертекст как новое явление в текстологии, блог как альтернатива традиционным СМИ и дискурсообразующий жанр, речевые/коммуникативные стратегии и тактики, экспрессивность и экспрессия в лингвистике, экспрессивный синтаксис и даже лингвистика эмоций. Любопытен в первой главе и довольно большой пассаж об истории китайской пунктуации, который просто интересно было читать. Его продолжением и стала третья глава работы, которая, видимо, лишь в последний момент стала частью диссертации, поэтому и «выпала» из формулировки цели исследования. Еще любопытно было читать сопоставительное описание национально-психологических особенностей русского и китайского народов (с. 65 и далее), что важно было для автора – для выяснения и понимания эмоционально-экспрессивного отношения к получаемой из СМИ информации у русских и китайцев.

Из конструкций экспрессивного синтаксиса в работе подробно рассмотрены четыре: риторические вопросы, вопросно-ответные комплексы в монологической речи, парцелляция и вставные конструкции. Все это выполнено с большим количеством примеров-иллюстраций и таблиц, а также с опорой на большой объем китайской литературы, что я уже отмечала выше.

Подчеркну еще, что в работе Чу Цзинжу сравниваются не только два языка и их синтаксические и пунктуационные средства выражения эмоциональности и экспрессивности, но и два типа СМИ – бумажные и электронные, что также составляет научную новизну диссертации, но также, к сожалению, не заявлено в формулировке цели работы.

И вот теперь перейду к вопросам и замечаниям, которых у меня, помимо уже высказанных в начале отзыва, получилось довольно много, как относительно серьезных, так и более или менее формальных. Изложу их по порядку.

1. В работе (с. 6-7) есть гипотеза – а далее формулируются еще 6 положений, которые Чу Цзинжу вынесла на защиту и потом последовательно доказывала в ходе своего исследования. Есть ли разница в статусе гипотезы и этих положений? Зачем после 6-ти основательных положений автору понадобилась еще и гипотеза? Или это – реликт магистерской диссертации, в которой требуется как раз наличие гипотезы, но не требуется никаких положений?

2. Не сразу становится понятно, что именно сравнивалось в работе, когда речь шла о текстах на двух языках. Когда в начале было заявлено, что используются двуязычные источники, создалось устойчивое ощущение, что в этих журналах, как бумажных, так и электронных, просто есть статьи на обоих языках – и на русском, и на китайском. Потом Чу Цзинжу заговорила об адекватности переводов – и возник закономерный вопрос, при чем тут переводы? Лично мне понадобилось обращение к научному руководителю диссертанта, чтобы понять, как устроены эти журналы и откуда взялись параллельные тексты. Вероятно, это можно (и нужно) было четко прописать в тексте диссертации.

3. Не всегда мне была понятна и подача примеров, особенно когда речь шла о переводах с русского на китайский. Чу Цзинжу дает текст на двух языках и заявляет, что они полностью адекватны в рассматриваемом отношении. Но без дословного подстрочника русскому читателю остается только верить автору на слово. Дословный перевод с китайского дается только в случаях несоответствия двух текстов (например – на с. 78), но лучше бы так делать для всех примеров.

4. С предыдущим замечанием связан и вполне конкретный вопрос, отнюдь не риторический. Риторические вопросы, с которых Чу Цзинжу начинает свой анализ материала, часто представляют собой в значительной мере устойчивые грамматические конструкции, в которых форма (вопрос) не соответствует содержанию (отрицание): *кто*

знает, как ...?! = 'никто не знает'; кто бы мог ...?! = 'никто не мог'; а как можно ...? = 'нельзя'. Это типично для русского языка, а как в китайском? Без буквального перевода трудно судить, существуют ли в китайском языке такого типа вопросительно-риторические конструкции. Являются ли эти конструкции разговорными, устойчивыми, воспроизводимыми и повторяющимися? Особенно это важно для коротких конструкций-реплик типа *не правда ли?* В русском языке такие единицы собраны в «Русском Конструктиконе» и описываются с использованием разных терминов – *синтаксическая фразема, фразеосхема, дискурсивная формула, коллокация* и мн. др. Есть ли что-то подобное в китайском языке? Формулу *не правда ли?* Чу Цзинжу описывает в одном ряду с другими – многословными – грамматическими конструкциями, никак не подчеркивая ее специфическую синтаксическую фразеологичность и формульность. Кстати, и вся обширная литература о русских фразеологизированных конструкциях осталась за рамками работы Чу Цзинжу.

5. Еще один содержательный вопрос. Не было ли в материале исследования соединения в одном контексте разных средств выражения экспрессии: например, риторический вопрос, оформленный как вставная конструкция, или приведенный в текстовом фрагменте с парцелляцией? Или все рассмотренные средства всегда используются авторами независимо друг от друга?

6. Можно ли на основе проведенного в работе сопоставления параллельных текстов дать какие-то практические советы (рекомендации) переводчикам – с обеих сторон? Или все случаи несовпадения оригинального и переводного текстов объясняются только разницей двух лингвокультур и не нарушают смысла (содержания) передаваемой информации? Иными словами, в случаях такого несовпадения мы имеем дело не с ошибкой переводчика, а только с тем фактом, что он добросовестно учитывает национальную специфику в подаче информации.

7. И еще несколько мелких замечаний.

В первой главе работы используется аббревиатура КЭС (конструкция экспрессивного синтаксиса), а во второй (начиная со с. 73) – ЭСК (видимо – экспрессивно-синтаксическая конструкция). В чем тут смысл? Или это – простая небрежность?

На с. 95, вместо привычной и принятой в научных трудах ссылки на литературу в скобках прямо в тексте, вдруг появилась подстраничная ссылка с полными выходными данными статьи. Это рождает ощущение некоторой невычитанности текста.

Из этой же серии – неожиданные пустые скобки на с. 115. Полагаю, что туда хотели внести что-то по-китайски, но – не внесли.

На с. 11 приведено известное определение дискурса Н.Д. Аругюновой («дискурс – это речь, погруженная в жизнь»), а ссылка дана почему-то – на безымянный (точнее – «многоименный») ЛЭС («Лингвистический энциклопедический словарь» под ред. В.Н. Ярцевой). Обидно за Нину Давидовну...

В списке научной литературы под номерами 161 и 162 дана одна и та же статья Г.Я. Солганика. Снова – небрежность и невычитанность текста.

При всем обилии китайской научной литературы, переработанной Чу Цзинжу, в ее исследовании нет ни одной ссылки на западную литературу, что, конечно, очень обедняет работу.

Странным показалось отнесение академической грамматики 1970 года к справочной литературе – это, конечно, полноценная научная литература, равно как и лингвистические энциклопедии и энциклопедические словари, представляющие собой, по сути, сборники научных статей, имеющих каждая конкретного, порой весьма авторитетного, автора, на которых и стоило бы ссылаться.

Не поняла, почему все конкретные статьи (тексты СМИ), проанализированные в работе, Чу Цзинжу внесла не в список источников, что было бы логично, а поместила в приложение.

Замечаний и вопросов получилось в результате довольно много, но это говорит лишь о дотошности рецензента и о том интересе, который у меня вызвала работа Чу Цзинжу. Все они ни в коей мере не умаляют упомянутых достоинств рецензируемой диссертации, и позволяют мне завершить свой отзыв «на высокой ноте».

Работа Чу Цзинжу, написанная, к слову сказать, очень хорошим, почти безукоризненным, русским языком, прошла вполне достаточную апробацию: 13 докладов на разных конференциях и 8 публикаций (в том числе 4 – в изданиях из списка ВАК) отражают ее содержание и вызывают полное доверие к полученным результатам.

В целом диссертация Чу Цзинжу на тему: «Эмоционально-экспрессивные синтаксические ресурсы в русских публицистических текстах на фоне китайских публицистических текстов» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», а соискатель Чу Цзинжу заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России. Нарушений пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не обнаружено.

Председатель диссертационного совета,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
филологического факультета СПбГУ

Н.В. Богданова-Бегларян

21.02.2023